



**ЛЕВ
ТРОЦКИЙ**

**ИСААК
ДОЙЧЕР**

**ТОНИ
КЛИФФ**



СТАЛИН

КРАСНЫЙ «ЦАРЬ»

Вожди Советского Союза

Лев Троцкий

Сталин. Красный «царь» (сборник)

«Алисторус»

2013

Троцкий Л. Д.

Сталин. Красный «царь» (сборник) / Л. Д. Троцкий —
«Алисторус», 2013 — (Вожди Советского Союза)

Троцкий был не просто главным врагом Сталина – он был настоящим Сатаной советской эпохи! Его имя старались не называть всуе, а слово «троцкист» из обозначения политических убеждений превратилось в оскорбление. Но что на самом деле думал живой, а не карикатурный Троцкий о Сталине? Какие оценки давали Советскому Союзу настоящие троцкисты? И какие прогнозы Троцкого продолжают сбываться?

Содержание

Лев Троцкий	5
К испанскому изданию	5
Задача настоящей работы	7
Глава 1	9
Важнейшие показатели промышленного роста	9
Сравнительная оценка достижений	10
На душу населения	13
Глава 2	16
«Военный коммунизм», «новая экономическая	16
политика» (нэп) и курс на кулака	
Резкий поворот: «пятилетка в четыре года» и «сплошная	21
коллективизация»	
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лев Троцкий, Исаак Дойчер, Тони Клифф Сталин. Красный «царь»

Лев Троцкий Преданная революция

К испанскому изданию 1937 г.

Эта книга писалась в тот период, когда могущество советской бюрократии казалось незыблемым, а ее авторитет – неоспоримым. Опасность со стороны германского фашизма естественно повернула симпатии демократических кругов Европы и Америки в сторону Советов. Английские, французские и чехословацкие генералы присутствовали на маневрах Красной Армии и воздавали хвалы ее офицерам, ее солдатам, ее технике. Хвалы эти были вполне заслужены. Имена генералов Якира и Уборевича, командовавших Украинским и Белорусским военными округами, с уважением назывались в те дни на страницах мировой печати. В маршале Тухачевском вполне основательно видели будущего генералиссимуса. В то же время многочисленные «левые» иностранные журналисты, притом не только господа типа Дюранти, но и вполне добросовестные люди, с восторгом писали о новой советской конституции, как о «самой демократической в мире».

Если б эта книга появилась сейчас после ее написания, многие выводы ее казались бы парадоксальными, или, еще хуже, продиктованными личным пристрастием. Но некоторые «случайности» судьбы автора привели к тому, что книга вышла в разных странах со значительным запозданием. За это время успела разыгаться серия московских процессов, потрясших весь мир. Вся старая большевистская гвардия подвергнута физическому истреблению. Расстреляны организаторы партии, участники Октябрьской революции, строители советского государства, руководители промышленности, герои гражданской войны, лучшие генералы Красной Армии, в том числе названные выше Тухачевский, Якир и Уборевич. В каждой из отдельных республик Советского Союза, в каждой из областей, в каждом районе происходит кровавая чистка, не менее свирепая, чем в Москве, но более анонимная. Под аккомпанемент массовых расстрелов, сметающих с земли поколение революции, идет подготовка «самых демократических в мире» выборов. В действительности предстоит один из тех плебисцитов, секрет которых так хорошо известен Гитлеру и Геббельсу. Будет ли иметь Сталин за себя 100% или «только» 98,5%, зависит не от населения, а от предписания, данного сверху местным носителям бонапартистской диктатуры. Будущий московский «рейхстаг» имеет своим назначением – это можно предсказать заранее – короновать личную власть Сталина, под именем ли полномочного президента, пожизненного вождя, несменяемого консула или – кто знает? – императора. Во всяком случае, слишком усердные иностранные «друзья», певшие гимны сталинской «конституции», рискуют попасть в затруднительное положение. Мы заранее выражаем им наше соболезнование.

Истребление революционного поколения и беспощадная чистка среди молодежи свидетельствует о страшном напряжении противоречия между бюрократией и народом. Мы пытались в настоящей книге дать социальный и политический анализ этого противоречия прежде, чем оно так бурно прорвалось наружу. Те выводы, которые могли казаться всего год тому назад

парадоксальными, сегодня стоят перед глазами человечества во всей своей трагической реальности.

Некоторые из официальных «друзей», усердие которых оплачивается полновесными червонцами, как, впрочем, и валютой других стран, имели бесстыдство упрекать автора в том, что его книга помогает фашизму. Как будто кровавые расправы и судебные подлоги не были известны мировой реакции без этой книги! На деле советская бюрократия является сейчас одним из самых злокачественных отрядов мировой реакции. Отождествлять Октябрьскую революцию и народы СССР с правящей кастой значит предавать интересы трудящихся и помогать реакции. Кто действительно хочет служить делу освобождения человечества, тот должен иметь мужество глядеть в глаза правде, как бы горька она ни была. Эта книга говорит о Советском Союзе правду. Она проникнута духом непримиримой вражды к новой касте насильников и эксплуататоров. Тем самым она служит действительным интересам трудящихся и делу социализма.

Автор твердо рассчитывает на сочувствие мыслящих и искренних читателей в странах Латинской Америки!

Л. Троцкий, 5 августа 1937 г.

Задача настоящей работы

Буржуазный мир сперва пытался притвориться, будто не замечает хозяйственных успехов советского режима, т. е. опытного доказательства жизнеспособности методов социализма. От небывалых в мировой истории темпов промышленного развития ученые-экономисты капитала и сейчас еще пытаются нередко глубокомысленно отмолчаться, либо ограничиваются ссылками на чрезвычайную «эксплуатацию крестьян». Они упускают, однако, прекрасный случай объяснить, почему зверская эксплуатация крестьян, например, в Китае, в Японии или в Индии никогда не давала промышленных темпов, сколько-нибудь приближающихся к советским.

Факты, однако, делают свое дело. Сейчас книжный рынок всех цивилизованных стран завален книгами о Советском Союзе. Немудрено: такие феномены встречаются не часто. Литература, продиктованная слепой реакционной ненавистью, занимает все меньше места; очень значительная часть новейших произведений о Советском Союзе, наоборот, все более окрашивается в благожелательные, если не восторженные тона. Как признак улучшения международной репутации государства-высочки обилие просоветской литературы можно только приветствовать. К тому же неизмеримо похвальнее идеализировать СССР, чем фашистскую Италию. Читатель, однако, напрасно стал бы искать на страницах этой литературы научной оценки того, что действительно происходит в стране Октябрьской революции.

По типу своему произведения «друзей СССР» принадлежат к трем главным категориям. Дилетантский журнализм, описательный жанр, более или менее «левый» репортаж составляет главную массу статей и книг. Рядом с ними, хотя и с большими претензиями, стоят произведения гуманитарного, пацифистского, лирического «коммунизма». Третье место занимает экономическая схематизация, в духе старонемецкого катедер-социализма. Луи Фишер и Дюранти являются достаточно известными представителями первого типа. Покойные Барбюс и Ромен Роллан лучше всего представляют категорию гуманитарных «друзей»: недаром, прежде чем прийти к Сталину, первый написал жизнеописание Христа, а второй – биографию Ганди. Наконец, консервативно-педантический социализм нашел наиболее авторитетных своих представителей в неутомимой фабианской чете Веббов.

Что объединяет эти три категории, при всем их различии, это преклонение пред совершившимся фактом и пристрастие к успокоительным обобщениям. Восстать против собственного капитализма они не в силах. Тем охотнее готовы они опереться на чужую революцию, уже вошедшую в берега. До Октябрьского переворота и в течение ряда лет после него никто из этих людей или их духовных отцов серьезно не думал о том, какими путями социализм придет в мир. Тем легче им признать социализмом то, что имеется в СССР. Это дает им самим не только рельеф прогрессивных людей, идущих в ногу с эпохой, но и некоторую моральную устойчивость и в то же время решительно ни к чему не обязывает. Такого рода созерцательная, оптимистическая, отнюдь не разрушительная литература, которая все неприятности видит позади, очень успокоительно действует на нервы читателя и потому встречается благожелательный прием. Так незаметно складывается международная школа, которую можно назвать болшевиизмом для просвещенной буржуазии, или, несколько уже, социализмом для радикальных туристов.

Мы не собираемся полемизировать с произведениями этого типа, так как они не дают серьезных поводов для полемики. Вопросы для них кончаются там, где они в действительности только начинаются. Задача настоящего исследования – правильно оценить то, что есть, чтоб лучше понять то, что становится. На вчерашнем дне мы задержимся постольку, поскольку это поможет нам лучше предвидеть завтрашний. Наше изложение будет носить критический характер. Кто склоняется пред совершившимся, тот не способен готовить будущее.

Процесс экономического и культурного развития СССР оставил позади уже несколько этапов, но далеко не достиг еще внутреннего равновесия. Если считать, что задачей социализма является создание бесклассового общества, основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей, то в этом основном смысле в СССР социализма еще нет и в помине. Правда, противоречия советского общества глубоко отличаются по природе своей от противоречий капитализма, но имеют, тем не менее, очень напряженный характер. Они находят свое выражение в материальном и культурном неравенстве, в государственных репрессиях, в политических группировках и в борьбе фракций. Полицейский гнет приглушает и искажает политическую борьбу, но не устраняет ее. Идеи, которые объявляются запретными, оказывают на каждом шагу влияние на политику правительства, оплодотворяя ее или противодействуя ей. В этих условиях анализ развития Советского Союза не может быть ни на минуту отделен от сопоставления идей и лозунгов, под которыми ведется в стране приглушенная, но страстная политическая борьба. История здесь непосредственно сливается с живой политикой.

Благомыслящие «левые» филистеры любят повторять, что в критике Советского Союза нужна крайняя осторожность, чтоб не повредить социалистическому строительству. Мы, со своей стороны, отнюдь не считаем советское государство столь шатким строением. Враги СССР осведомлены о нем гораздо лучше, чем его действительные друзья, т. е. рабочие всех стран. В генеральных штабах империалистских государств ведется точный учет плюсам и минусам Советского Союза, и не только на основании публичных отчетов. Враги могут, к несчастью, использовать слабые стороны рабочего государства, но ни в каком случае не критику тех его тенденций, которые сами они считают его положительными чертами. В неприязненном отношении к критике со стороны большинства официальных «друзей» скрывается, на самом деле, страх не столько за хрупкость Союза, сколько за хрупкость собственных симпатий к нему. Пройдем же спокойно мимо предостережений и опасений такого рода. Решают факты, а не иллюзии. Мы хотим показать лицо, а не маску.

Л. Троцкий, 4 августа 1936 г.

Глава 1

Что достигнуто?

Важнейшие показатели промышленного роста

В силу ничтожества русской буржуазии демократические задачи отсталой России, как ликвидация монархии и полукрепостной кабалы крестьянства, могли быть разрешены не иначе, как через диктатуру пролетариата. Завоевав власть во главе крестьянских масс, пролетариат не мог, однако, остановиться на демократических задачах. Буржуазная революция непосредственно переплелась с первой стадией социалистической. Факт этот не случаен. История последних десятилетий особенно наглядно свидетельствует, что в условиях капиталистического упадка отсталые страны лишены возможности достигнуть того уровня, которого успели достигнуть старые метрополии капитала. Упершись сами в тупик, цивилизаторы преграждают дорогу цивилизуемым. Россия вступила на путь пролетарской революции не потому, что ее хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло дальше развиваться на капиталистических основах. Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства: таков закон комбинированного развития отсталых стран. Войдя в социалистическую революцию как «самое слабое звено капиталистической цепи» (Ленин), бывшая империя царей и сейчас, на 19-м году после переворота, стоит еще перед задачей «догнать и перегнать» – следовательно, прежде всего догнать – Европу и Америку, т. е. разрешить те технические и производственные задачи, которые давно разрешил передовой капитализм.

Да могло ли быть иначе? Низвержение старых господствующих классов не разрешило, а лишь обнажило до конца задачу: подняться от варварства к культуре. В то же время, сосредоточив собственность на средства производства в руках государства, революция дала возможность применять новые, неизмеримо более действенные методы хозяйства. Только благодаря планоному руководству в короткий срок восстановлено то, что было разрушено империалистской и гражданской войной, созданы новые грандиозные предприятия, введены новые производственные отрасли промышленности.

Чрезвычайное замедление в развитии международной революции, на близкую помощь которой рассчитывали вожди большевистской партии, не только создало для СССР огромные трудности, но и обнаружило исключительные внутренние ресурсы и возможности. Однако правильная оценка достигнутых результатов – их величия, как и их недостаточности – возможна только при помощи международных масштабов. Метод этой работы – историко-социологическое истолкование процесса, а не нагромождение статистических иллюстраций. Однако в интересах дальнейшего изложения необходимо взять за точку отправления некоторые наиболее важные цифровые данные.

Размах индустриализации Советского Союза на фоне застоя и упадка почти всего капиталистического мира неоспоримо выступает из следующих валовых показателей. Промышленная продукция Германии лишь благодаря лихорадке вооружений возвращается в настоящее время к уровню 1929 года. Продукция Великобритании на помочах протекционизма поднялась за те же 6 лет на 3–4%. Промышленная продукция Соединенных Штатов опустилась примерно на 25%, Франции – более чем на 30%. На первом месте по успехам среди капиталистических стран стоит неистово вооружающаяся и грабящая Япония: ее продукция поднялась почти на 40%! Но и этот исключительный показатель совершенно бледнеет перед динамикой развития Советского Союза: его промышленное производство выросло за тот же период примерно в 3,5 раза, или на 250%. Тяжелая промышленность повысила за последнее десятилетие (1925—

1935) свое производство более чем в 10 раз. В первом году пятилетки (1928—1929) капитальные вложения составляли 5,4 миллиарда рублей; на 1936 год намечено 32 миллиарда.

Если, ввиду шаткости рубля как единицы измерения, оставить в стороне денежные оценки, то слово перейдет к другим, вполне бесспорным измерителям. В декабре 1913 г. Донецкий бассейн дал 2.215 тыс. тонн угля; в декабре 1935 г. – 7.125 тыс. тонн. За последние три года выплавка чугуна увеличилась в два раза, производство стали и проката – почти в 2,5 раза. По сравнению с довоенным уровнем добыча нефти, угля, чугуна поднялась в 3 – 3,5 раза. В 1920 году, когда составлялся первый план электрификации, в стране было 10 районных станций общей мощностью в 253 тысячи киловатт. В 1935 г. районных станций числилось уже 95, общей мощностью в 4.345 тысяч киловатт. В 1925 г. СССР занимал 11-е место по производству электроэнергии; в 1935 году он уступает лишь Германии и Соединенным Штатам. По добыче угля СССР выдвинулся с 10-го места на 4-е. По выплавке стали – с 6-го на 3-е. По производству тракторов – на первое место в мире. Точно также и по производству сахара.

Гигантские достижения промышленности, многообещающее начало сельскохозяйственного подъема, чрезвычайное возрастание старых промышленных городов, возникновение новых, быстрое увеличение численности рабочих, подъем культурного уровня и потребностей – таковы бесспорные результаты Октябрьской революции, в которой пророки старого мира хотели видеть могилу человеческой цивилизации. С господами буржуазными экономистами спорить более не о чем: социализм доказал свое право на победу не на страницах «Капитала», а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности; не языком диалектики, а языком железа, цемента и электричества. Если б даже СССР в результате внутренних трудностей, внешних ударов и ошибок руководства потерпел крушение, – чего, как мы твердо надеемся, не случится, – остался бы, как залог будущего, тот неискоренимый факт, что только благодаря пролетарской революции отсталая страна совершила менее чем в два десятилетия беспримерные в истории успехи.

Тем самым закончен спор и с реформистами в рабочем движении. Можно ли хоть на минуту сопоставить их мышиную возню с той титанической работой, которую совершает народ, пробужденный революцией к новой жизни? Если бы в 1918 году социал-демократия в Германии использовала навязанную ей рабочими власть для социалистического переворота, а не для спасения капитализма, нетрудно, на основании опыта России, понять, какой непреодолимой экономической мощью обладал бы сегодня социалистический массив Центральной и Восточной Европы и значительной части Азии. Исторические преступления реформизма народы мира будут оплачивать новыми войнами и революциями.

Сравнительная оценка достижений

Динамические коэффициенты советской промышленности беспримерны. Но ни сегодня, ни завтра они еще не решают вопроса. Советский Союз поднимается от ужасающе низкого уровня, тогда как капиталистические страны сползают с очень высокого уровня. Соотношение сил на сегодняшний день определяется не динамикой роста, а противопоставлением всего могущества обоих лагерей, как оно выражается в материальных накоплениях, в технике, в культуре и прежде всего в производительности человеческого труда. Когда мы подходим к делу под этим статическим углом зрения, положение сразу меняется к чрезвычайной невыгоде для СССР.

Формулированный Лениным вопрос «кто кого?» есть вопрос о соотношении сил между СССР и мировым революционным пролетариатом с одной стороны, внутренними враждебными силами и мировым капиталом с другой. Хозяйственные успехи СССР дают возможность укрепиться, продвинуться, вооружиться, когда нужно – отступить и выждать, словом, продержаться. Но по самому существу своему вопрос «кто кого», не только как военный, но

прежде всего как экономический, стоит перед СССР в мировом масштабе. Военная интервенция опасна. Но интервенция дешевых товаров в обозе капиталистических армий была бы несравненно опаснее. Победа пролетариата в одной из западных стран внесла бы, разумеется, сразу радикальное изменение в соотношение сил. Но пока СССР остается изолированным, хуже того, пока европейский пролетариат терпит поражения и отступает, сила советского строя измеряется в последнем счете производительностью труда, которая при товарном хозяйстве выражается в себестоимости и в ценах. Разница между внутренними ценами и ценами мирового рынка представляет собою один из важнейших измерителей соотношения сил. Между тем к этому вопросу советской статистике запрещено даже прикасаться. Причина та, что, несмотря на условия застоя и гниения, капитализм все еще сохраняет за собой огромный перевес в отношении техники, организации и культуры труда.

Традиционная отсталость сельского хозяйства СССР достаточно общеизвестна. Ни в одной из отраслей его еще не достигнуты успехи, которые хоть в отдаленной степени могли бы равняться с успехами промышленности. «Мы еще сильно отстаем, – жаловался, например, в конце 1935 года Молотов, – от капиталистических стран по урожайности свеклы». В 1934 году в СССР с гектара получено 82 центнера; в 1935 г. на Украине при исключительном урожае – 131 центнер. В Чехословакии и в Германии добывают около 250 центнеров, во Франции – свыше 300 с гектара. Жалобу Молотова можно без ограничения распространить на все отрасли сельского хозяйства, на технические, как и на зерновые культуры, в особенности же на животноводство. Правильный севооборот, селекция семян, удобрения, тракторы, комбайны, фермы племенного скота – все это подготавливает поистине грандиозную революцию в обобществленном сельском хозяйстве. Но именно в этой консервативнейшей из областей революция требует времени. Пока же, несмотря на коллективизацию, задача состоит в том, чтоб приближаться к более высоким образцам капиталистического Запада с его мелким фермерским хозяйством.

Борьба за повышение производительности труда в промышленности ведется по двум каналам: усвоения передовой техники и лучшего использования рабочей силы. Возможность воздвигнуть в немногие годы гигантские заводы новейшего типа была обеспечена, с одной стороны, наличием на Западе высокой капиталистической техники, с другой – внутренним режимом планового хозяйства. В этой области идет ассимиляция чужих достижений. Тот факт, что советская промышленность, как и оборудование Красной Армии, выросли форсированными темпами, заключает в себе огромные потенциальные преимущества. Хозяйство не вынуждено волочить за собою антикварное оборудование, как в Англии или Франции, армия не обречена донашивать устаревшие доспехи. Но тот же лихорадочный рост имеет и отрицательные стороны: между разными элементами хозяйства нет соответствия; люди отстают от техники; руководство не справляется с задачами. Все вместе выражается пока в крайне высокой себестоимости при низком качестве продукции.

«Наши промыслы, – пишет руководитель нефтяной промышленности, – располагают таким же оборудованием, как и американские, но организация работ на буровой отстала, кадры недостаточно квалифицированы». Многочисленные аварии объясняются «небрежностью, неумением и недостатком технического надзора». Молотов жалуется: «мы крайне отстали в организации строительного дела... Оно, в большинстве случаев, ведется по старинке, с безобразным использованием механизмов и оборудования». Такие признания рассеяны по советской печати. Новая техника далеко не дает еще тех результатов, что на своей капиталистической родине.

Валовые успехи тяжелой промышленности представляют огромное завоевание: только на этом фундаменте и можно строить; однако экзаменом современного хозяйства является производство тончайших деталей, которые требуют и технической, и общей культуры. В этой области отсталость Советского Союза еще велика.

В военной промышленности достигнуты, несомненно, наиболее серьезные, не только количественные, но и качественные успехи: армия и флот являются самым влиятельным заказчиком и наиболее требовательным приемщиком. Тем не менее, в ряде своих публичных речей руководители военного ведомства, в том числе и Ворошилов, не перестают жаловаться: «мы не всегда полностью удовлетворены качеством той продукции, которую вы даете нам в Красную Армию». Нетрудно расслышать тревогу, которая кроется за этими осторожными словами.

Продукция машиностроения, говорит глава тяжелой промышленности в официальном докладе, «должна быть доброкачественной; к сожалению, этого нет»... И далее: «машина у нас дорога». Как всегда, докладчик воздерживается от точных сравнительных данных по отношению к мировому производству.

Трактор представляет гордость советской индустрии. Между тем коэффициент полезного действия тракторов крайне низок. В течение прошлого хозяйственного года пришлось подвергнуть капитальному ремонту 81% тракторов, причем значительное количество их снова вышло из строя в самый разгар полевых работ. По некоторым исчислениям, машинно-тракторные станции станут рентабельны лишь при урожайности в 20—22 центнера зерна с гектара. Сейчас, когда средний урожай не достигает и половины, государству приходится нести миллиардные расходы на покрытие дефицитов.

Еще хуже обстоит дело с автотранспортом. В Америке грузовая машина пробегает 60—80.000, даже 100.000 километров в год; в СССР только 20.000, т. е. в 3-4 раза меньше. Из каждых 100 машин в работе только 55: остальные в ремонте или в ожидании его. Стоимость ремонта в 2 раза превышает стоимость всех выпускаемых новых машин. Немудрено, если, по отзыву государственного контроля, «автотранспорт ложится исключительно тяжелым бременем на себестоимость продукции».

Повышение провозоспособности железных дорог сопровождается, по словам председателя Совнаркома, «многочисленными авариями и крушениями». Основная причина та же: унаследованная от прошлого низкая культура труда. Борьба за содержание железнодорожных стрелок в опрятном состоянии становится в своем роде героическим актом, о котором премированные стрелочники докладывают в Кремле перед самыми верхушками власти. Водный транспорт, несмотря на успехи последних лет, далеко отстает от железнодорожного. Периодически газеты пестрят сообщениями о «скверной работе морского транспорта» о «непомерно низком качестве ремонта флота» и проч.

В легких отраслях положение еще менее благоприятно, чем в тяжелой. Своеобразный закон советской промышленности можно формулировать так: изделия по общему правилу тем хуже, чем ближе они к массовому потребителю. В текстильной промышленности, по словам «Правды», «позорно велик процент брака, небогат ассортимент, преобладают низкие сорта». Жалобы на плохое качество предметов широкого потребления периодически проникают в советскую печать: «неуклюжие скобяные изделия»; «уродливая мебель, плохо сколоченная, кое-как отделанная»; «нельзя достать пригодных пуговиц»; «абсолютно неудовлетворительно работает система общественного питания». И так далее, без конца.

Характеризовать успехи индустриализации одними количественными показателями, без качественных, почти то же, что определять телосложение человека одним ростом, без объема груди. Для более правильной оценки динамики советского хозяйства необходимо, к тому же, наряду с поправкой на качество, всегда иметь перед глазами тот факт, что быстрые успехи в одних областях сопровождаются отставанием других. Создание гигантских автомобильных заводов оплачивается малочисленностью, беспризорностью шоссейных путей. «Запущенность дорог у нас исключительная, — констатируют „Известия“, — по важнейшей магистрали Москва — Ярославль можно продвигаться на автомобиле со скоростью не свыше 10 км в час». Председатель Госплана подтверждает, что страна все еще хранит «традиции векового бездорожья».

В сходном состоянии находится и муниципальное хозяйство. Возникают в короткий срок новые промышленные города; в то же время десятки старых приходят в запустение. Столицы и промышленные центры растут и украшаются, в разных частях страны воздвигаются дорогие театры и клубы, но квартирный голод невыносим, жилые дома остаются по правилу без надзора. «Мы строим плохо и дорого, жилищный фонд изнашивается и не восстанавливается, ремонтируем мало и неумело». («Известия»).

Все хозяйство состоит из таких диспропорций. В известных пределах они неизбежны, поскольку продвигаться вперед приходилось и приходится начиная с наиболее важных участков. Тем не менее, отсталость одних отраслей чрезвычайно снижает полезное действие других. Если представить себе идеальное плановое руководство, которое обеспечивает не максимальные темпы отдельных отраслей, а оптимальные результаты хозяйства в целом, то статистический коэффициент роста оказался бы в первый период ниже, но все хозяйство и особенно потребитель были бы в выигрыше. В дальнейшем выиграла бы и общая динамика хозяйства.

В официальной статистике производство автомобилей и ремонт их складываются в общей сумме промышленной продукции; с точки зрения экономической эффективности следовало бы производить не сложение, а скорее вычитание. Настоящее замечание относится и ко многим другим отраслям промышленности. Вот почему суммарные оценки в рублях имеют лишь относительную ценность: неизвестно, что такое рубль, и не всегда известно, что за ним скрывается: постройка машины или ее преждевременная поломка. Если, по оценке в «твердых» рублях, валовая продукция крупной промышленности выросла, по сравнению с довоенным уровнем, в 6 раз, то добыча нефти, угля, чугуна, исчисленная в тоннах, выросла в 3-3,5 раза. Основная причина несовпадения показателей в том, что советская промышленность создала ряд новых отраслей, неведомых царской России. Но дополнительную причину надо искать в тенденциозных манипуляциях статистики. Известно, что органическая потребность всякой бюрократии – подкрашивать действительность.

На душу населения

Средняя индивидуальная производительность труда в СССР все еще очень низка. На лучшем металлургическом заводе, по признанию его директора, выпуск чугуна и стали на одного рабочего в 3 раза ниже среднего выпуска на заводах Америки. Сопоставление средних цифр по обоим странам дало бы, вероятно, 1: 5 или еще ниже того. При этом условии заявления, будто доменные печи используются в СССР «лучше», чем в капиталистических странах, пока что лишены смысла: задача техники состоит в экономии человеческого труда и ни в чем другом. В лесной и строительной промышленности дело обстоит еще менее благоприятно, чем в металлургии. На одного рабочего карьеров в Соединенных Штатах приходится 5000 тонн в год, в СССР – 500 тонн, т. е. в десять раз меньше. Столь вопиющая разница объясняется не только недостаточной квалификацией рабочих, но и, прежде всего, плохой организацией труда. Бюрократия изо всех сил подстегивает рабочих, но правильно использовать рабочую силу не умеет. В сельском хозяйстве дело обстоит, разумеется, еще менее благополучно, чем в промышленности. Низкой производительности труда отвечает низкий национальный доход, а следовательно, и низкий уровень жизни народных масс.

Когда указывают, что по объему промышленной продукции СССР займет в 1936 г. первое место в Европе, – успех сам по себе громадный! – то оставляют в стороне не только качество и себестоимость товаров, но и количество населения. Между тем общий уровень развития страны и в особенности жизненный уровень масс могут быть определены, хотя бы в грубых чертах, лишь посредством деления продукции на число потребителей. Попытаемся произвести это простое арифметическое действие.

Значение железнодорожного транспорта для хозяйства, культуры и военных целей не требует пояснений. Советский Союз располагает 83 тысячами километров путей, против 58 000 в Германии, 63 000 во Франции, 417.000 в Соединенных Штатах. Это значит: на 10 000 душ населения в Германии приходится 8,9 километра дорог, во Франции – 15,2, в Соединенных Штатах – 31,1, в СССР – 5,0. По железнодорожным показателям СССР продолжает занимать одно из самых низких мест в цивилизованном мире. Торговый флот, поднявшийся за последние пять лет втрое, стоит сейчас примерно на уровне датского и испанского флота. К этому надо прибавить еще крайне низкий уровень шоссейных путей. Автомобилей в 1935 г. выпущено в СССР 0,6 на каждые 1000 человек, в Великобритании (в 1934) около 8, во Франции около 4,5, в Соединенных Штатах – 23 (против 36,5 – в 1928 г.).

В то же время по относительной численности лошадей (около одной лошади на каждые 10—11 человек населения) Советский Союз, несмотря на крайнюю отсталость в отношении железнодорожного, водного и автотранспорта, не превосходит ни Франции, ни Соединенных Штатов, далеко уступая им по качеству своего конского стада.

В области тяжелой промышленности, достигшей наиболее выдающихся успехов, сравнительные показатели все еще остаются неблагоприятными. Угля добыто в Советском Союзе в 1935 г. около 0,7 тонны на душу населения; в Великобритании – почти 5 тонн; в Соединенных Штатах почти 3 тонны (против 5,4 в 1913 г.); в Германии около 3 тонн. Стали: в СССР – около 67 килограммов на душу, в Соединенных Штатах – около 250 кг, и пр. Таковы же примерно пропорции по чугуну и прокату. Электрической энергии в 1935 г. произведено в Советском Союзе на душу 153 киловатт-часа, в Великобритании (1934) – 448, во Франции – 363, в Германии – 472 кВт-часа.

Душевые показатели легкой промышленности, по общему правилу, еще более низки. Шерстяной ткани произведено в 1935 г. менее полуметра на душу, в 8 или 10 раз меньше, чем в Соединенных Штатах или Великобритании. Сукно доступно только привилегированным советским гражданам. Что касается масс, то для них ситец, которого выделано около 16 метров на душу, идет по-прежнему и на зимнее платье. Производство башмаков составляет ныне в СССР приблизительно 0,5 пары на душу, в Германии – свыше пары, во Франции – 1,5 пары, в Соединенных Штатах – около трех пар, причем в стороне остается показатель качества, который еще более ухудшает соотношение. Можно принять наверняка, что в буржуазных странах процент лиц, обладающих несколькими парами обуви, значительно выше, чем в СССР; но, к сожалению, по проценту босоногих СССР все еще занимает одно из первых мест.

То же приблизительно соотношение, отчасти еще менее благоприятное, остается для продуктов пищевой промышленности, несмотря на ее бесспорные успехи в последние годы: консервы, колбаса, сыр, не говоря уже о печеньях и конфетах, пока еще совершенно недоступны основной массе населения. Неблагополучно обстоит дело даже с молочными продуктами. Во Франции и Соединенных Штатах корова приходится примерно на 5 душ населения, в Германии – на 6 душ, в Советском Союзе на 8 душ; по молочности же две советские коровы должны считаться примерно за одну. Только по производству хлебных злаков, особенно ржи, а также картофеля Советский Союз при расчете на душу населения значительно превосходит большинство европейских стран и Соединенные Штаты. Но ржаной хлеб и картофель как преобладающая пища населения – это и есть классический признак бедности!

Потребление бумаги – один из важнейших культурных показателей. В 1935 году произведено в СССР менее 4 кг бумаги на душу, в Соединенных Штатах – свыше 34 кг (против 48 кг в 1928 г.), в Германии – свыше 47 кг. Если в Соединенных Штатах на жителя приходится 12 карандашей в год, то в СССР – лишь около четырех, притом столь плохого качества, что их полезная работа не превышает одного хорошего карандаша, в лучшем случае двух. Газеты то и дело жалуются, что недостаток букварей, бумаги и карандашей парализует школьную работу.

Немудрено, если ликвидация безграмотности, намеченная еще к 10-й годовщине Октябрьского переворота, далеко не закончена и сейчас.

Тот же вопрос можно осветить, исходя из более общих соображений. На душу советского населения приходится значительно менее национального дохода, чем на Западе. А так как капитальные вложения поглощают в СССР около 25—30%, т. е. несравненно большую долю дохода, чем где бы то ни было, то фонд потребления народных масс не может не быть значительно ниже, чем в передовых капиталистических странах.

Правда, в СССР нет имущих классов, расточительность которых балансируется недопотреблением народных масс. Однако вес этой поправки не так велик, как может показаться на первый взгляд. Основное зло капиталистической системы не в расточительности имущих классов, как она ни отвратительна сама по себе, а в том, что ради обеспечения права на расточительность буржуазия сохраняет частную собственность на средства производства, обрекая тем хозяйство на анархию и разложение. В отношении предметов роскоши буржуазия является, конечно, монопольным потребителем. Но в отношении предметов первой необходимости подавляющую массу потребителей составляют трудящиеся массы. Дальше мы увидим к тому же, что если в СССР нет имущих классов в собственном смысле слова, то есть очень привилегированный командующий слой, который присваивает себе львиную долю в области потребления. И если на душу населения в СССР производится меньше предметов первой необходимости, чем в передовых капиталистических странах, то это и значит, что жизненный уровень советских масс еще отстает от капиталистического уровня.

Историческая ответственность за такое положение ложится, конечно, на все тяжелое и мрачное прошлое России с его наследством тьмы и нищеты. Другого выхода на путь прогресса, чем низвержение капитализма, не было. Чтоб убедиться в этом, достаточно хотя бы бросить взгляд на прибалтийские страны и Польшу, составлявшие некогда передовые части царской империи, а ныне не выходящие из маразма. Нетленная заслуга советского режима – в его напряженной и, в общем, успешной борьбе с тысячелетней отсталостью. Но правильная оценка достигнутого есть первое условие дальнейшего движения вперед.

Советский режим проходит на наших глазах через подготовительную стадию, импортируя, заимствуя и усваивая технические и культурные завоевания Запада. Сравнительные коэффициенты производства и потребления свидетельствуют, что эта подготовительная стадия еще далеко не закончена: даже при маловероятном условии дальнейшего полного капиталистического застоя она должна была бы занять еще целый исторический период. Таков первый, крайне важный вывод, который нам еще понадобится в дальнейшем исследовании.

Глава 2

Хозяйственное развитие и зигзаги руководства

«Военный коммунизм», «новая экономическая политика» (нэп) и курс на кулака

Линия развития советского хозяйства отнюдь не представляет собою непрерывно и равномерно восходящей кривой. На протяжении первых восемнадцати лет нового режима можно явственно различить несколько этапов, разграниченных острыми кризисами. Краткий очерк экономической истории СССР в связи с политикой правительства совершенно необходим как для диагноза, так и для прогноза.

Первые три года после переворота были периодом открытой и жестокой гражданской войны. Хозяйственная жизнь оставалась целиком подчинена нуждам фронтов. Культурная работа ютилась на задворках и характеризовалась смелым размахом творческой мысли, прежде всего личной мысли Ленина, при чрезвычайной скудности материальных средств. Это так называемый период «военного коммунизма» (1918—1921 гг.), который составляет героическую параллель к «военному социализму» капиталистических стран. Хозяйственные задачи советского правительства сводились в те годы главным образом к тому, чтоб поддержать военную промышленность и использовать оставшиеся от прошлого скудные запасы для войны и спасения от гибели городского населения. Военный коммунизм был, по существу своему, системой регламентации потребления в осажденной крепости.

Нужно, однако, признать, что по первоначальному замыслу он преследовал более широкие цели. Советское правительство надеялось и стремилось непосредственно развить методы регламентации в систему планового хозяйства, в области распределения, как и в сфере производства. Другими словами: от «военного коммунизма» оно рассчитывало постепенно, но без нарушения системы, прийти к подлинному коммунизму. Принятая в марте 1919 года программа большевистской партии гласила: «В области распределения задача советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов».

Действительность приходила, однако, во все большее столкновение с программой «военного коммунизма»: производство неизменно падало, и не только вследствие разрушительного действия войны, но и вследствие угасания стимула личной заинтересованности у производителей. Город требовал у деревни хлеба и сырья, ничего не давая взамен, кроме пестрых бумажек, называвшихся по старой памяти деньгами. Мужик зарывал свои запасы в землю. Правительство посылало за хлебом вооруженные рабочие отряды. Мужик сокращал посевы. Промышленная продукция 1921 года, непосредственно следующего за окончанием гражданской войны, составляла в лучшем случае пятую часть довоенной. Выплавка стали упала с 4,2 миллиона тонн до 183 тысяч тонн, т. е. в 23 раза. Валовой сбор зерна снизился с 801 миллиона центнеров до 503 миллионов в 1922 г.: это и был год страшного голода! Одновременно внешняя торговля скатилась с 2,9 миллиарда рублей до 30 миллионов. Развал производительных сил оставил позади все, что раньше видела по этой части история. Страна и с нею власть очутились на самом краю пропасти.

Утопические надежды эпохи военного коммунизма подвергались впоследствии жестокой и во многом основательной критике. Теоретическая ошибка правящей партии останется, однако, совершенно необъяснимой, если оставить без внимания, что все тогдашние расчеты строились на ожидании близкой победы революции на Западе. Считалось само собою разуме-

ющимся, что победоносный немецкий пролетариат в кредит под будущие продукты питания и сырья будет снабжать советскую Россию не только машинами, готовыми фабричными изделиями, но и десятками тысяч высококвалифицированных рабочих, техников и организаторов. И, нет сомнения, если б пролетарская революция восторжествовала в Германии – а ее победе помешала только и исключительно социал-демократия – экономическое развитие Советского Союза, как и Германии, пошло бы вперед столь гигантскими шагами, что судьба Европы и мира сложилась бы к сегодняшнему дню неизмеримо более благоприятно. Можно, однако, сказать с полной уверенностью, что и в этом счастливом случае от непосредственного государственного распределения продуктов пришлось бы все равно отказаться в пользу методов торгового оборота.

Необходимость восстановления рынка Ленин мотивировал наличием в стране миллионов изолированных крестьянских хозяйств, которые иначе, как через торговлю, не привыкли определять свои экономические взаимоотношения с внешним миром. Торговый оборот должен был установить так называемую «смычку» между крестьянином и национализированной промышленностью. Теоретическая формула «смычки» очень проста: промышленность должна доставлять деревне необходимые товары по таким ценам, чтобы государство могло отказаться от принудительного изъятия продуктов крестьянского труда.

В оздоровлении экономических взаимоотношений с деревней состояла, несомненно, наиболее острая и неотложная задача нэпа. Ближайший опыт показал, однако, что и сама промышленность, несмотря на свой обобщественный характер, нуждается в выработанных капитализмом методах денежного расчета. План не может опираться на одни умозрительные данные. Игра спроса и предложения остается для него еще на долгий период необходимой материальной основой и спасительным коррективом.

Легализованный рынок при помощи упорядоченной денежной системы начал выполнять свою работу. Уже в 1923 году, благодаря первому толчку из деревни, промышленность стала оживляться, причем сразу обнаружила высокие темпы. Достаточно сказать, что продукция за 1922 и 1923 годы удваивается, а к 1926 году уже достигает довоенного уровня, т. е. возрастает более чем в пять раз по сравнению с 1921 годом. Одновременно, хотя и гораздо более скромными темпами, повышаются урожаи.

Начиная с переломного 1923 года обостряются наметившиеся уже раньше в правящей партии разногласия по вопросу о взаимоотношении между промышленностью и сельским хозяйством. В стране, исчерпавшей вконец свои накопления и запасы, промышленность не могла развиваться иначе, как путем заимствования хлеба и сырья у крестьян. Слишком большие натуральные «принудительные займы» означали, однако, умерщвление стимула к труду: не веря в будущие блага, крестьянин отвечал на хлебные экспедиции города посевной забастовкой. Но и слишком малые изъятия грозили застоєм: не получая промышленных продуктов, крестьянство возвращалось к хозяйству для собственных потребностей и возобновляло старые кустарные промыслы. Разногласия в партии начались с вопроса о том, сколько взять у деревни для промышленности, чтоб приблизить период динамического равновесия между ними. Спор сразу осложнился вопросом о социальной структуре самой деревни.

Весною 1923 г., на съезде партии, представитель «левой оппозиции», которая тогда, впрочем, еще не носила этого имени, демонстрировал расхождение промышленных и сельскохозяйственных цен в виде угрожающей диаграммы. Тогда же это явление было впервые названо «ножницами», именем, вошедшим после того в мировой словарь. Если дальнейшее отставание промышленности, – говорил докладчик, – будет все больше раздвигать эти ножницы, то разрыв между городом и деревней неизбежен.

Крестьянство строго различало совершенную большевиками демократическую аграрную революцию и их политику, направленную на подведение фундамента под социализм. Экспроприация помещичьей и государственной земли принесла крестьянству свыше полумиллиарда

рублей золотом в год. Однако на ценах государственной промышленности крестьяне переплачивали гораздо большую сумму. Пока баланс двух революций, демократической и социалистической, связанных крепким октябрьским узлом, сводился для крестьянства с минусом в сотни миллионов, союз двух классов оставался под знаком вопроса.

Распыленный характер крестьянского хозяйства, унаследованный от прошлого, обострился еще более в результате октябрьского переворота: число самостоятельных дворов поднялось в течение ближайшего десятилетия с 16 до 25 миллионов, что естественно повело к усилению чисто потребительского характера большинства крестьянских хозяйств. Такова одна из причин недостатка сельскохозяйственных продуктов.

Мелкотоварное хозяйство неизбежно выделяет из себя эксплуататоров. По мере того, как деревня стала оправляться, дифференциация внутри крестьянской массы стала возрастать: развитие вступило на старую хорошо накатанную колею. Рост кулака далеко обогнал общий рост сельского хозяйства. Политика правительства под лозунгом «лицом к деревне» фактически повернулась лицом к кулакам. Сельскохозяйственный налог ложился на бедняков несравненно тяжелее, чем на зажиточных, которые к тому же снимали сливки с государственного кредита. Избытки хлеба, имевшиеся главным образом у деревенской верхушки, шли на забалование бедноты и на спекулятивную продажу мелкобуржуазным элементам города. Бухарин, тогдашний теоретик правящей фракции, бросил по адресу крестьянства свой пресловутый лозунг: «обогащайтесь!». На языке теории это должно было означать постепенное вращивание кулаков в социализм. На практике это означало обогащение меньшинства за счет подавляющего большинства.

В плену собственной политики правительство оказалось вынуждено отступить шаг за шагом перед требованиями мелкой буржуазии на селе. В 1925 году были легализованы для сельского хозяйства наем рабочей силы и сдача земли в аренду. Крестьянство поляризовалось между мелким капиталистом с одной стороны, батраком с другой. В то же время лишённое промышленных товаров государство вытеснялось из деревенского оборота. Между кулаком и мелким кустарным предпринимателем появился, как бы из-под земли, посредник. Сами государственные предприятия в поисках сырья вынуждены были все чаще обращаться к частным торговцам. Везде чувствовался капиталистический прибой. Мыслящие элементы могли наглядно убедиться в том, что переворот в формах собственности еще не решает проблемы социализма, а только ставит ее.

В 1925 г., когда курс на кулака был в полном разгаре, Сталин приступил к подготовке денационализации земельной собственности. На заказанный им самим вопрос советского журналиста «не было ли бы целесообразным в интересах сельского хозяйства закрепить за каждым крестьянином обрабатываемый им участок земли на десять лет?» Сталин ответил: «Даже и на 40 лет». Народный комиссар земледелия Грузии по прямой инициативе Сталина внес законопроект о денационализации земли. Цель состояла в том, чтоб внушить фермеру доверие к своему собственному будущему. Между тем уже весной 1926 г. почти 60% предназначенного для продажи хлеба оказалось в руках 6% крестьянских хозяйств! Государству зерна не хватало не только для внешней торговли, но и для внутренних потребностей. Ничтожные размеры экспорта вынуждали отказываться от импорта готовых изделий и урезывали до крайности ввоз машин и сырья.

Тормозя индустриализацию и нанося удары основной крестьянской массе, ставка на фермера успела в течение 1924-26 годов недвусмысленно обнаружить и свои политические последствия: она привела к чрезвычайному повышению самосознания мелкой буржуазии города и деревни, к захвату ею многих низовых советов, к повышению силы и самоуверенности бюрократии, к возрастающему нажиму на рабочих, к полному подавлению партийной и советской демократии. Рост кулачества испугал видных участников правящей группы, Зиновьева и Каменева, не случайно бывших председателями советов двух важнейших пролетарских центров:

Ленинграда и Москвы. Но провинция и особенно бюрократия стояли твердо за Сталина. Курс на крепкого фермера одержал победу. Зиновьев и Каменев со своими сторонниками примкнули в 1926 г. к оппозиции 1923 года («троцкисты»).

Коллективизация сельского хозяйства не отрицалась, конечно, правящей фракцией «в принципе» и тогда. Но ей отводилось место в перспективе десятилетий. Будущий народный комиссар земледелия Яковлев писал в 1927 году, что хотя социалистическое переустройство деревни может быть осуществлено только через коллективизацию, но, «конечно, не в один-два-три года, может быть, не в одно десятилетие». «Колхозы и коммуны, – продолжал он, – ...являются в настоящее время и еще долгое время, несомненно, будут только островками в море крестьянских хозяйств». Действительно, в этот период в коллективы входило всего лишь 0,8% дворов.

Борьба в партии из-за так называемой «генеральной линии», прорвавшаяся наружу в 1923 году, приняла с 1926 года особенно напряженный и страстный характер. В своей обширной платформе, охватывавшей все проблемы хозяйства и политики, оппозиция писала: «Партия должна дать сокрушительный отпор всем тенденциям, направленным к упразднению или подрыву национализации земли, одного из устоев диктатуры пролетариата». В этом вопросе победа была одержана оппозицией; прямые покушения на национализацию были оставлены. Но вопрос не исчерпывался, конечно, формами собственности на землю.

«Растущему фермерству деревни, – продолжала платформа, – должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов. Необходимо систематически, из года в год, производить значительные ассигнования на помощь бедноте, организованной в коллективы»... «Задачей перевода мелкого производства в крупное, коллективистическое, должна быть проникнута вся работа кооперации». Но широкая программа коллективизации упорно считалась для ближайших лет утопией. Во время подготовки XV съезда партии, имевшего своей задачей исключение левой оппозиции, Молотов, будущий председатель Совета народных комиссаров, повторял: «скатываться (!) к бедняцким иллюзиям о коллективизации широких крестьянских масс уже в настоящих условиях нельзя». По календарю значился конец 1927 г. Так далека была в то время правящая фракция от своей собственной завтрашней политики в деревне!

Те же годы (1923-28) прошли в борьбе правящей коалиции (Сталин, Молотов, Рыков, Томский, Бухарин; Зиновьев и Каменев перешли в оппозицию в начале 1926 г.) против сторонников «сверхиндустриализации» и планового руководства. Будущий историк не без изумления восстановит те настроения злобного недоверия к смелой хозяйственной инициативе, которыми было насыщено правительство социалистического государства. Ускорение темпа индустриализации происходило эмпирически, под толчками извне, с грубой ломкой всех расчетов на ходу и с чрезвычайным повышением накладных расходов. Требование выработки пятилетнего плана, выдвинутое оппозицией с 1923 года, встречалось издевательствами в духе мелкого буржуа, который боится «скачков в неизвестное». Еще в апреле 1927 года Сталин утверждал на пленуме Центрального Комитета, что приступить к строительству днепровской гидроэлектростанции было бы для нас то же, что для мужика покупать граммофон вместо коровы. Этот крылатый афоризм резюмировал целую программу. Нелишне напомнить, что вся мировая буржуазная печать, и вслед за ней социал-демократическая, сочувственно повторила в те годы официальные обвинения против «левой оппозиции» в индустриальном романтизме.

Под шум партийных дискуссий крестьянин на недостаток промышленных товаров отвечал все более упорной стачкой: не вывозил на рынок зерна и не увеличивал посевы. Правые (Рыков, Томский, Бухарин), задававшие в тот период тон, требовали предоставить больше простора капиталистическим тенденциям деревни, повысив цены на хлеб, хотя бы за счет снижения темпов промышленности. Единственный выход при такой политике мог бы состоять в том, чтобы в обмен на вывозимое за границу фермерское сырье ввозить готовые изделия. Но это означало бы строить смычку не между крестьянским хозяйством и социалистической про-

мышленностью, а между кулаком и мировым капитализмом. Не стоило для этого производить октябрьский переворот.

«Ускорение индустриализации, – возражал представитель оппозиции на конференции партии в 1926 году, – в частности, путем более высокого обложения кулака, даст большую товарную массу, которая понизит рыночные цены, а это выгодно как для рабочих, так и для большинства крестьянства... Лицом к деревне – не значит спиной к промышленности; это значит промышленностью к деревне, ибо „лицо“ государства, не обладающего промышленностью, само по себе деревне не нужно».

В ответ Сталин громил «фантастические планы» оппозиции: индустрия не должна «забегать вперед, отрываясь от сельского хозяйства и отвлекаясь от темпа накопления в нашей стране». Решения партии продолжали повторять те же прописи пассивного приспособления к фермерским верхам крестьянства. XV съезд, собравшийся в декабре 1927 года для окончательного разгрома «сверхиндустриализаторов», предупреждал об «опасности слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство». Других опасностей правящая фракция все еще не хотела видеть.

В 1927/28 хозяйственном году заканчивался так называемый восстановительный период, в течение которого промышленность работала главным образом на дореволюционном оборудовании, как сельское хозяйство – на старом инвентаре. Для дальнейшего движения вперед требовалось самостоятельное промышленное строительство широкого размаха. Руководить дальше на ощупь, без плана, не было уж никакой возможности.

Гипотетические возможности социалистической индустриализации были проанализированы оппозицией еще в течение 1923–25 годов. Общий вывод гласил, что и после исчерпания унаследованного от буржуазии оборудования советская промышленность сможет на основе социалистических накоплений давать ритмы роста, совершенно недоступные капитализму. Вожди правящей фракции открыто глумились над осторожными коэффициентами типа 15–18%, как над фантастической музыкой неизвестного будущего. В этом и состояла тогда сущность борьбы против «троцкизма».

Первый официальный набросок пятилетнего плана, изготовленный наконец в 1927 году, был полностью проникнут духом крохоборства. Прирост промышленной продукции намечался с убывающей из года в год скоростью, от 9 до 4%. Личное потребление должно было за 5 лет возрасти всего на 12%. Невероятная робость замысла ярче всего выступает из того факта, что государственный бюджет должен был составить к концу пятилетки всего 16% народного дохода, тогда как бюджет царской России, не собиравшейся строить социалистическое общество, поглощал до 18%. Нелишне, может быть, прибавить, что инженеры и экономисты, составившие этот план, были несколько лет спустя сурово наказаны по суду как сознательные вредители, действовавшие по указке иностранной державы. Обвиняемые могли бы, если бы смели, ответить, что их плановая работа целиком соответствовала тогдашней «генеральной линии» Политбюро и совершалась по его указке.

Борьба тенденций оказалась теперь переведена на язык цифр. «Преподносить к десятилетию Октябрьской революции такого рода крохоборческий, насквозь пессимистический план, – гласила платформа оппозиции, – значит на деле работать против социализма». Через год Политбюро утвердило новый проект пятилетки со средним приростом продукции в 9%. Фактический ход развития обнаруживал, однако, упорную тенденцию приближаться к коэффициентам «сверхиндустриализаторов». Еще через год, когда курс правительственной политики был уже радикально изменен, Госплан выработал третью пятилетку, динамика которой гораздо ближе, чем можно было надеяться, совпала с гипотетическим прогнозом оппозиции 1925 г.

Действительная история хозяйственной политики СССР, как видим, весьма далека от официальной легенды. К сожалению, благочестивые исследователи, типа Веббов, не отдают себе в этом ни малейшего отчета.

Резкий поворот: «пятилетка в четыре года» и «сплошная коллективизация»

Нерешительность перед индивидуальным крестьянским хозяйством, недоверие к большим планам, защита минимальных темпов, пренебрежение к международным проблемам – все это составляло в совокупности самую суть теории «социализма в отдельной стране», впервые выдвинутой Сталиным осенью 1924 г., после поражения пролетариата в Германии. Не спешить с индустриализацией, не ссориться с мужиком, не рассчитывать на мировую революцию и, прежде всего, оградить власть партийной бюрократии от критики! Дифференциация крестьянства объявлялась измышлением оппозиции. Уже упомянутый выше Яковлев разогнал Центральное статистическое управление, таблицы которого отводили кулаку больше места, чем угодно было власти. В то время как руководители успокоительно твердили, что товарный голод изживается, что предстоят «спокойные темпы хозяйственного развития», что хлебозаготовки будут впредь протекать более «равномерно» и прочее, окрепший кулак повел за собой середняка и подверг города хлебной блокаде. В январе 1928 г. рабочий класс оказался лицом к лицу с призраком надвигающегося голода. История умеет шутить злые шутки. Именно в том самом месяце, когда кулак взял за горло революцию, представителей левой оппозиции сажали по тюрьмам или развозили по Сибири в наказание за «панику» перед призраком кулака.

Правительство попыталось представить дело так, будто хлебная забастовка вызывалась голой враждебностью кулака (откуда он взялся?) к социалистическому государству, т. е. политическими мотивами общего порядка. Но к такого рода «идеализму» кулак мало склонен. Если он скрывал свой хлеб, то потому, что торговая сделка оказывалась невыгодной. По той же причине ему удавалось подчинять своему влиянию широкие круги деревни. Одних репрессий против кулацкого саботажа было явно недостаточно: нужно было менять политику. Однако немало времени ушло еще на колебания.

Не только Рыков, тогда еще глава правительства, заявлял в июле 1928 г.: «развитие индивидуальных хозяйств крестьянства является... важнейшей задачей партии», но ему вторил и Сталин: «есть люди, – говорил он, – думающие, что индивидуальное хозяйство исчерпало себя, что его не стоит поддерживать... Эти люди не имеют ничего общего с линией нашей партии». Менее чем через год линия партии не имела ничего общего с этими словами: на горизонте занималась заря сплошной коллективизации.

Новая ориентировка складывалась так же эмпирически, как и предшествующая, в глухой борьбе внутри правительственного блока. «Группы правой и центра сплачиваются общей враждой к оппозиции, – предупреждала платформа левых за год перед тем, – отсечение последней неизбежно ускорило бы борьбу между ними самими». Так и случилось. Вожди распадавшегося правящего блока ни за что не хотели, однако, признать, что этот прогноз левого крыла оправдался, как и многие другие. Еще 19 октября 1928 г. Сталин заявил публично: «пора бросить сплетни... о наличии правого уклона и примиренческого к нему отношения в Политбюро нашего ЦК». Обе группы тем временем прощупывали аппарат. Придушенная партия жила смутными слухами и догадками. Но уже через несколько месяцев официальная печать со свойственной ей беззастенчивостью провозгласила, что глава правительства Рыков «спекулировал на хозяйственных затруднениях советской власти»; что руководитель Коминтерна Бухарин оказался «проводником либерально-буржуазных влияний»; что Томский, председатель ВЦСПС, не что иное, как жалкий тред-юнионист. Все трое, Рыков, Бухарин и Томский, состояли членами Политбюро. Если вся предшествующая борьба против левой оппозиции почер-

пала свое оружие из арсеналов правой группировки, то теперь Бухарин, не погрешив против истины, мог обвинить Сталина в том, что в борьбе с правыми он пользовался по частям осужденной оппозиционной платформой.

Так или иначе, поворот произошел. Лозунг «обогащайтесь!», как и теория безболезненного вставания кулака в социализм, были с запозданием, но тем более решительно осуждены. Индустриализация поставлена в порядок дня. Самодовольный квиетизм сменился панической стремительностью. Полузабытый лозунг Ленина «догнать и перегнать» был дополнен словами «в кратчайший срок». Минималистская пятилетка, уже принципиально одобренная съездом партии, уступила место новому плану, основные элементы которого были целиком заимствованы из платформы разгромленной левой оппозиции. Днепрострой, вчера еще уподоблявшийся граммофону, сегодня оказался в центре внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.